Сибирский психологический журнал.
2024. № 94. С. 23–40. DOI: 10.17223/17267080/94/2

УДК 159.9.072:316.6

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ ШКАЛЫ КОНСЕКВЕНЦИАЛИЗМА: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

А.А. Фёдоров[1]

[1] *Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1*

Резюме

Цель исследования – валидизация русскоязычной версии шкалы консеквенциализма Дж. Робинсона (the Consequentialist Scale; CS), оценивающей деонтологические и утилитаристские убеждения человека. **Методы и материалы.** Общая выборка исследования составила 553 человека от 18 до 60 лет, среди них 279 женщин и 274 мужчин. Для проверки конструктной валидности использовались следующие методики: русскоязычная версия опросника этических позиций (EPQ) Д.Р. Форсайта, опросник «Темная дюжина», сокращенная версия шкалы социальной желательности. Помимо методик самоотчета участникам предлагалось оценить степень приемлемости консеквенциалистского ответа в серии из 12 моральных дилемм. Для проверки внутренней структуры методики использовались исследовательский и конфирматорный факторный анализ (на разных подвыборках). Также с интервалом в три недели была проведена проверка ретестовой надежности. **Результаты.** Анализ внутренней структуры шкалы при помощи исследовательского факторного анализа показал наличие двух факторов, объясняющих 39,85% общей дисперсии. Набор пунктов этих факторов полностью соответствует ключу оригинальной версии методики. Стабильность внутренней структуры русскоязычной версии шкалы была проверена на независимой выборке из 301 человека при помощи конфирматорного факторного анализа. КФА показал наибольшую пригодность одноуровневой двухфакторной модели, соответствующей теоретическим предположениям. Подшкалы методики характеризуются хорошей внутренней согласованностью и ретестовой надежностью. Показаны ожидаемые теоретические связи с этическими позициями и психопатией, что подтверждает конвергентную валидность методики. Отсутствие значимых связей с социальной желательностью свидетельствует о дискриминантной валидности шкалы. Показано, что согласие с обобщенными моральными принципами не может служить надежным предиктором степени приемлемости для человека консеквенциалистского выбора в ситуации гипотетических моральных сценариев. В целом можно сделать вывод, что шкала консеквенциализма представляет собой надежный и валидный инструмент оценки консеквенциалистских убеждений.

Ключевые слова: деонтология; утилитаризм; консеквенциализм; факторная структура; надежность шкалы; валидность шкалы; моральные дилеммы; психопатия; этические позиции; моральные убеждения

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00771 «Экспериментальный анализ факторов моральной конформности в виртуальном пространстве».

Введение

Способность действовать морально – одна из важных и, возможно, отличительных особенностей человека. Вне зависимости от того, рассматриваем ли мы мораль как продукт эволюции вида или эволюции культуры, вопросы, связанные с изучением морального поведения, остаются одними из центральных в науке и философии. И хотя существуют разнообразные подходы, в рамках которых ведется изучение морали, значительная часть современных философских и психологических исследований сосредоточена вокруг консеквенциализма и деонтологии. Анализ временны́х трендов с помощью Google Ngram показывает, что начиная с 1980-х гг. наблюдается стабильный рост частоты использования этих понятия (рис. 1). Визуальная оценка подтверждается результатами корреляционного анализа между годом и частотой встречаемости терминов за период 1980–2019 гг. (r_S = 0,962, p < 0,001 для консеквенциализма; r_S = 0,974, p < 0,001 для деонтологии), при этом временны́е тренды согласованны (r_S = 0,953, p < 0,001).

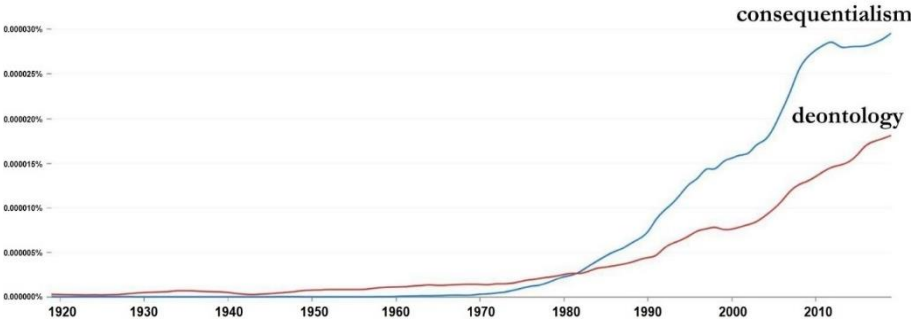

Рис. 1. Доля встречаемости терминов consequentialism и deontology (Google NGram, 1900–2019, корпус American English)

В психологии одним из самых популярных инструментов изучения консеквенциалистских и деонтологических диспозиций являются моральные дилеммы. Самая известная их разновидность – это так называемые *жертвенные* дилеммы, в которых требуется решить, стоит ли пожертвовать жизнью одного человека ради спасения большего количества людей. При этом, как правило, совершенный выбор трактуется в терминах «суждений», иными словами, предполагается, что выбор пожертвовать одним ради многих является консеквенциалистским суждением, а отказ сделать это – деонтологическим (Greene, Morelli, Lowenberg, Nystrom, Cohen, 2008; Bago et al., 2022; Yang, Tang, Wang, 2023). Исследования, однако, показывают, что такая прямолинейная трактовка является ошибочной. Так, утилитарные выборы достаточно тесно связаны с антисоциальными личностными диспозициями, такими как психотизм и макиавеллизм (Bartels, Pizarro, 2011; Kahane, Everett, Earp, Farias, Savulescu, 2015). В силу этого невозможно сказать, обусловлен ли утилитарный выбор в каждом конкретном случае заботой о наибольшем благе, что предполагает консеквенциалист-

ская этика, или, скажем, равнодушием к страданию другого. Таким образом, моральные дилеммы, будучи гибким инструментом для экспериментального изучения морального поведения (Фёдоров, Злобина, 2023), не очень хорошо подходят для оценки степени согласия человека с консеквенциалистскими или деонтологическими постулатами.

Учитывая вышесказанное, для решения этой задачи могут использоваться специализированные шкалы, являющиеся попыткой прямой оценки индивидуальных моральных предпочтений. Существует достаточно большое их количество, в том числе созданных именно для диагностики склонности к консеквенциализму или деонтологии. Среди них стоит выделить шкалу консеквенциализма (*Consequentialist Scale, CS*) и Оксфордскую шкалу утилитаризма (*Oxford Utilitarianism Scale, OUS*). Шкала консеквенциализма была разработана Дж. Робинсоном в 2012 г. и с тех пор использовалась в ряде исследований, продемонстрировав хорошие психометрические показатели (Robinson, 2012; Robinson, Joel, Plaks, 2015; Robinson, Page-Gould, Plaks, 2017; Plaks, Robinson, Forbes, 2022). В 2023 г. была осуществлена валидизация ее факторной структуры на греческой выборке (Kosteletos, Zioga, Protopapadakis, Panayiotou, Kontoangelos, Papageorgiou, 2023). Существуют 10- и 12-пунктовая версии данной шкалы, при этом одна половина пунктов направлена на оценку поддержки деонтологических утверждений, другая – утилитаристских. Таким образом, консеквенциализм в данной шкале представлен в своей парадигматической форме, классическом утилитаризме, кредо которого сформулировано И. Бентамом как «наибольшее счастье наибольшего числа людей» (Bentham, 1823, p. 9).

Авторы Оксфордской шкалы утилитаризма предлагают двумерную модель, согласно которой утилитаризм включает как негативное измерение – *инструментальный вред*, так и позитивное – *беспристрастное благодеяние* (Kahane et al., 2018). Инструментальный вред обозначает допустимость или даже необходимость причинения вреда, вплоть до убийства невинного человека, ради достижения большего блага. Именно на негативном измерении, согласно авторам этой модели, обычно фокусируются исследования с использованием моральных дилемм, а также другие инструменты оценки утилитарных (или, шире, консеквенциалистских) убеждений. Существует, однако, и позитивное измерение утилитаризма. Принцип беспристрастного благодеяния требует максимизировать счастье всех разумных существ, а не только нас или наших близких. Эта беспристрастная максимизация подразумевает необходимость самопожертвования ради совершенно постороннего человека. Так, согласно этому принципу, мы обязаны стать донором почки, если это спасет чью-то жизнь, или отдавать часть своих денег на благотворительность. Соответственно, Оксфордская шкала утилитаризма включает две подшкалы: подшкалу инструментального вреда (OUS-IH, 4 пункта) и подшкалу беспристрастного благодеяния (OUS-IB, 5 пунктов). С момента разработки шкала использовалась в большом количестве исследований, существуют ее турецкая (Filiz, Hasan, 2021), польская (Paruzel-Czachura, Charzyńska, 2022) и французская (Carron, Blanc, Anders, Brigaud, 2023) версии.

Сильная сторона OUS – попытка подойти к утилитарным суждениям как к многомерному феномену. Но одновременно это и ее Ахиллесова пята. Проблема заключается в том, что беспристрастное благодеяние является компонентом не только отдельных форм утилитаризма, но и других этических систем, например кантовской или буддистской. Это признают и сами авторы шкалы, отмечая, что в других этических доктринах беспристрастность не преследует цели максимизации всеобщего блага (Kahane et al., 2018). Проблема заключается в том, что утверждения, включенные в подшкалу OUS-IB, не позволяют оценить принятие человеком принципа беспристрастности именно ради максимизации всеобщего блага, т.е. его утилитаристской версии. Бóльшая часть пунктов этой подшкалы связана с требованием самопожертвования (IB-2: «С точки зрения морали мы должны чувствовать себя обязанными отдать одну из своих почек человеку с почечной недостаточностью, поскольку нам не нужны обе почки, чтобы выжить, а нужна только одна, чтобы быть здоровыми»; IB-3: «Если единственный способ спасти жизнь другого человека в чрезвычайной ситуации – это пожертвовать собственной ногой, то человек морально обязан принести эту жертву»; IB-5: «Морально неправильно хранить деньги, которые на самом деле не нужны, если их можно пожертвовать на эффективную помощь тем, кто от этого сильно выиграет»). Один пункт оценивает моральную недопустимость бездействия (IB-4: «Не помогать кому-то так же неправильно, как и активно вредить ему самому»), и еще один – беспристрастную заботу о всеобщем благе (IB-1: «С точки зрения морали люди должны заботиться о благополучии всех людей на планете в равной степени; они не должны отдавать предпочтение благополучию людей, которые особенно близки им физически или эмоционально»). Пунктов, которые оценивали бы не просто обязанность беспристрастно заботиться о всех, а именно беспристрастную максимизацию всеобщего блага, в этой подшкале нет. Иными словами, даже если двумерная модель утилитаризма верна, подшкала OUS-IB должна быть существенно пересмотрена, чтобы с ее помощью можно было оценивать именно *утилитаристский* вариант принципа беспристрастного благодеяния (Mihailov, 2023).

Учитывая это, для валидизации на русском языке была выбрана шкала консеквенциализма Робинсона. Вопреки тому, что Кахейн и соавт. пишут о том, что CS фокусируется на негативном измерении утилитаризма, половина ее пунктов направлена на оценку согласия с принципом максимизации счастья (например: «Если правила и законы не способствуют увеличению счастья людей, их следует игнорировать»). Важно отметить, однако, что в этих пунктах не эксплицирован принцип беспристрастности, поэтому теоретически человек может соглашаться с некоторыми из них, исходя из того, что должно максимизироваться счастье *определенных* людей. С одной стороны, это, безусловно, следует учитывать при интерпретации полученных результатов. С другой стороны, хотя многие консеквенциалисты (возможно, большинство) принимают принцип беспристрастности, существуют его версии, совместимые с пристрастностью. К таковым можно

отнести, например, так называемый *консеквенциализм правил* (*rule consequentialism*). Поскольку в качестве последствий можно теоретически рассматривать все что угодно[1], могут даже существовать версии консеквенциализма, в которых пристрастность обязательна (например, *эгоистический консеквенциализм*)[2]. Таким образом, пункты, входящие в утилитаристскую подшкалу CS, оценивают консеквенциалистские убеждения, поскольку в них действия и правила предлагается оценивать в контексте того, увеличивают ли они счастье, но не исключают при этом пристрастность.

Материалы и методы исследования

Инструменты. Использовалась 10-пунктовая русскоязычная версия шкалы консеквенциализма (Приложение). Уточнение формулировок проводилось при помощи метода обратного перевода с участием носителей языка. Степень согласия с утверждениями оценивалась по 5-балльной шкале Ликерта от «полностью не согласен» (1) до «полностью согласен» (5). Как уже упоминалось, первые пять пунктов составляют подшкалу деонтологических убеждений (CS-D), вторые – подшкалу утилитарных убеждений (CS-U).

Для проверки конструктной валидности использовались следующие методики: русскоязычная версия опросника этических позиций (EPQ) Д.Р. Форсайта (Фёдоров, Бадиев, 2018), опросник «Темная дюжина» (Корнилова, Корнилов, Чумакова, Талмач, 2015), сокращенная версия шкалы социальной желательности (Ханин, 1976). Помимо методик самоотчета участникам предлагалось ответить на серию из 12 классических моральных дилемм (Greene et al., 2008; Koop, 2013). В дилеммах предлагалось оценить по 7-балльной шкале Ликерта допустимость консеквенциалистского решения.

Д.Р. Форсайт в своих работах указывает, что абсолютистская этическая позиция (высокий идеализм, низкий релятивизм) примерно соотносится с деонтологией, а эксепционистская (низкий идеализм, низкий релятивизм) – с утилитаристским консеквенциализмом (Forsyth, 1980; Forsyth, 2019). В связи с этим мы ожидаем, что у абсолютистов по сравнению с этическими позициями, которые не признают строгой необходимости избегать нанесения вреда (эксепционизм и субъективизм), будут более высокие показатели по подшкале CS-D, а у эксепционистов – более высокие показатели по подшкале CS-U по сравнению с абсолютистами.

Также мы ожидаем, что CS-D должна демонстрировать отрицательную, а CS-U – положительную связь с показателями по шкале психопатии опросника «Темная дюжина». Эти ожидания основаны на ранее накопленных эмпирических данных, свидетельствующих, что утилитарные суждения

[1] В качестве шуточного абсурдного примера в Стэндфордской философской энциклопедии предлагают рассмотреть теорию, согласно которой действие морально правильно, если оно приводит к увеличению количества коз в Техасе (Sinnott-Armstrong, 2023).
[2] Обзор современных дискуссий, связанных с консеквенциализмом и пристрастностью, проведен в работе Д. Джеске (Jeske, 2020).

связаны как с клиническим (Koenigs, Kruepke, Zeier, Newman, 2012), так и с субклиническим уровнем психопатии (Bartels, Pizarro, 2011; Kahane et al., 2015; Zamora, Ungson, Seidman, 2022). Стоит отметить, что Кахейн и соавт. полагают, что эти данные могут быть обусловлены тем, что обычно не учитывается положительное измерение утилитаризма, связанное с самопожертвованием (Kahane et al., 2018). Но поскольку CS не включает пункты, направленные на оценку готовности к самопожертвованию, мы полагаем, что в нашем исследовании эти связи себя проявят.

Шкала социальной желательности использовалась для оценки дискриминантной валидности в рамках проверки смещения ответов, которое может быть вызвано мотивацией социального одобрения (Paulhus, 1991).

Ответы на моральные дилеммы использовались для проверки того, могут ли показатели валидизируемой шкалы консеквенциализма служить их предикторами.

Выборка. В исследовании приняли участие 553 человека от 18 до 60 лет (M = 19,89, SD = 4,01), 279 женщин и 274 мужчин.

Использовались две подвыборки. Первая подвыборка (N = 252; 128 женщин, 124 мужчины) вместе со шкалой консеквенциализма заполняла шкалы, которые использовались для конструктной валидизации CS, и отвечала на серию из 12 моральных дилемм. Полученные на этой подвыборке данные также использовались для проведения исследовательского факторного анализа.

Вторая подвыборка (N = 301; 151 женщина, 150 мужчин) заполняла только шкалу консеквенциализма. Эти данные использовались для проведения конфирматорного факторного анализа, направленного на подтверждение внутренней структуры методики. Также 98 человек из второй подвыборки (40 мужчин, 58 женщин) прошли процедуру ретеста через три недели после основного тестирования.

Методы статистического анализа. Статистический анализ данных проводился в свободной программе jamovi 2.3.28 и пакете EQS 6.3 for Windows. Для анализа структуры шкалы использовались исследовательский факторный анализ и конфирматорный факторный анализ с поправкой Саторры–Бентлера. Учитывая нарушение нормальности ряда шкал ($p_{S–W} < 0{,}001$), для сравнения групп применялись непараметрический критерий Краскела–Уоллиса с последующим попарным сравнением тестом DSCF (для контроля ошибки первого рода). Также использовались описательная статистика, корреляционный анализ, байесовский анализ и робастные методы.

Результаты и обсуждение

Внутренняя структура шкалы: EFA

Поскольку на греческой выборке шкала консеквенциализма продемонстрировала трехфакторное решение (пункты, входящие в подшкалу утилитаризма, разбились на две группы), анализ внутренней структуры русскоязычной версии методики проходил в два этапа. На первом этапе применялся

исследовательский факторный анализ, свободный от предположений о теоретическом распределении пунктов, на втором – конфирматорный.

Для всех переменных мера адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина находится в приемлемом диапазоне, от 0,715 до 0,850, что указывает на то, что данные подходят для анализа. Критерий сферичности Бартлетта значим ($\chi^2(45) = 624{,}502$, $p < 0{,}001$), т.е. корреляции между переменными существенны.

EFA проводился с использованием метода минимальных остатков и вращения облимин. Параллельный анализ Хэмфри–Илгена позволяет получить двухфакторное решение (рис. 2). Аналогичное решение дает критерий Кайзера, оставляющий только компоненты с собственными значениями больше 1. Факторные нагрузки приведены в табл. 1.

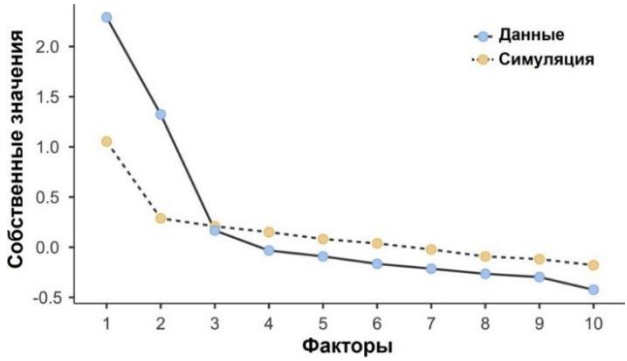

Рис. 2. График собственных значений выделенных факторов

Таблица 1

Факторные нагрузки (*N* = 252)

Пункты	Факторы	
	1	2
1		0,443
2		0,593
3		0,596
4		0,748
5		0,599
6	0,533	
7	0,841	
8	0,727	
9	0,619	
10	0,422	

Первый фактор объясняет 21,27% общей дисперсии и в точности соответствует подшкале утилитарных убеждений. Второй фактор объясняет 18,58% общей дисперсии, и в него входят пункты из подшкалы деонтологических убеждений. Оба фактора в сумме объясняют 39,85% общей дисперсии, и это позволяет сделать вывод, что они в значительной степени

описывают разнообразие ответов. Таким образом, результаты исследовательского факторного анализа подтверждают оригинальную двухфакторную структуру шкалы. Оба фактора демонстрируют хорошую надежность по внутренней согласованности: для CS-D α-Кронбаха составила 0,733, для CS-U – 0,746.

Между подшкалами существует значимая слабая отрицательная связь (r = –0,145, p < 0,001, N = 252). Это значение близко по силе к тому, что было получено в одном из исследований на американской выборке (r = –0,14, p < 0,001, N = 1 205; Robinson et al., 2015)[1].

Внутренняя структура шкалы: CFA

Стабильность внутренней структуры русскоязычной версии шкалы консеквенциализма проверялась на независимой выборке из 301 человека при помощи конфирматорного факторного анализа. Учитывая отклонение данных от многомерной нормальности, CFA проводился с поправкой Саторры–Бентлера (Satorra, Bentler, 1994). Для оценки пригодности модели использовались следующие показатели: 1) RMSEA < 0,05; 2) SRMR < 0,08; 3) CFI > 0,95; 4) IFI > 0,95; 5) MFI > 0,95. Помимо одноуровневой двухфакторной модели проверялась двухуровневая модель, в которой факторы первого порядка объединены в общий фактор, и одноуровневая однофакторная, не предполагающая разбиения на подшкалы. Результаты проверки представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели соответствия трех моделей CS по итогам CFA (N = 301)

Модель	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	IFI	MFI
Одноуровневая двухфакторная модель CS	0,049 (0,027 0,070)	0,058	0,951	0,952	0,960
Двухуровневая двухфакторная модель CS	0,063 (0,042 0,083)	0,093	0,925	0,927	0,939
Одноуровневая однофакторная модель CS	0,137 (0,120 0,153)	0,139	0,607	0,615	0,721

Как видно из приведенных результатов, одноуровневая двухфакторная модель продемонстрировала хороший уровень соответствия эмпирическим данным. Добавление в модель общего латентного фактора второго порядка приводит к ухудшению показателей пригодности. Наихудшие показатели пригодности продемонстрировала одноуровневая модель с одним фактором. Таким образом, расчет общего показателя для шкалы консеквенциа-

[1] Несмотря на нарушение нормальности распределения, в целях получения сопоставимых показателей в данном случае для расчета силы связи мы использовали коэффициент корреляции Пирсона. Исследования показывают, что этот критерий может быть достаточно устойчив даже к сильным отклонениям от нормальности (Havlicek, Peterson, 1976). Непараметрические корреляционные коэффициенты в данном случае дают похожие результаты: r_S = –0,211, p < 0,001; τ_b = –0,158, p < 0,001, BF_{10} = 85,04.

лизма путем инвертирования баллов для пунктов, входящих в подшкалу деонтологических убеждений, представляется нецелесообразным.

Структурная одноуровневая модель CS со стандартизованными коэффициентами представлена на рис. 3.

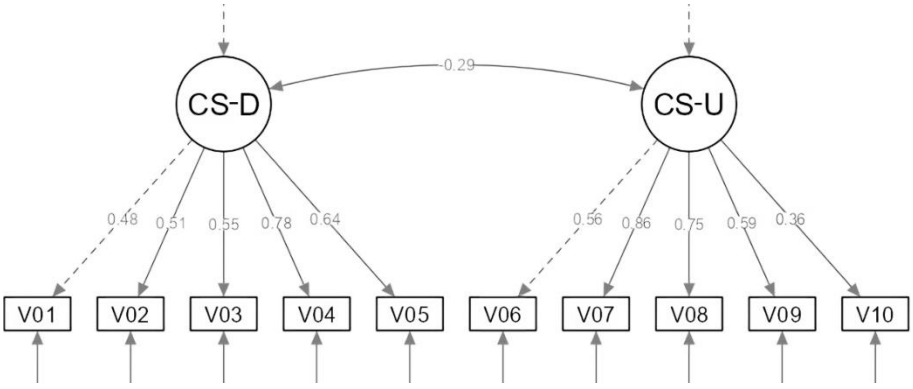

Рис. 3. Структурная одноуровневая двухфакторная модель CS: стандартизованное решение

Ретестовая надежность

Коэффициент корреляции Спирмена между результатами первого и второго тестирования с трехнедельным интервалом (N = 98) составил 0,827 для подшкалы CS-D (p < 0,001) и 0,813 для подшкалы CS-U (p < 0,001). Это позволяет заключить, что шкала консеквенциализма имеет хорошую ретестовую надежность.

Конструктная валидность

На основе медианных значений по шкалам идеализма и релятивизма *EPQ* участники были разделены на 4 группы: абсолютисты (N = 54), эксепционисты (N = 57), ситуационисты (N = 62) и субъективисты (N = 79). Критерий Краскела–Уоллиса показал, что между группами существуют значимые различия как по шкале деонтологических убеждений ($\chi^2(3)$= 45,14, p < 0,001, ε^2 = 0,180), так и по шкале утилитаристских убеждений, ($\chi^2(3)$ = 21,73, p < 0,001, ε^2 = 0,087)[1]. Результаты апостериорного анализа с использованием теста Дуосса–Стилла–Критчлоу–Флингера приведены в табл. 3.

Как видно, мы получили предсказанные различия, свидетельствующие в пользу конструктной валидности шкалы консеквенциализма: абсолютисты по сравнению с эксепционистами и субъективистами имеют более высокие баллы по шкале CS-D, а эксепционисты превосходят абсюлютистов по шкале CS-U. Обращает на себя внимание следующее: представители

[1] Робастный дисперсионный анализ по методу усеченных средних (на уровне 0,2), проведенный в целях вычислительной воспроизводимости, показал схожие результаты. Для шкалы CS-D: $F(3, 81{,}28) = 19{,}37$, p < 0,001, $\hat{\xi}$ = 0,482; для шкалы CS-U: $F(3, 80{,}46) = 13{,}24$, p < 0,001, $\hat{\xi}$ = 0,417.

этических позиций с высоким уровнем идеализма (абсолютисты и ситуационисты) превосходят по выраженности деонтологических убеждений представителей этических позиций с низким уровнем идеализма (субъективисты и эксепционисты). Близость, но не тождественность операционализации деонтологических и идеалистических убеждений в EPQ и CS подтверждается наличием сильной корреляционной связи между соответствующими шкалами: r_S = 0,531, p < 0,001. В то же время CS-U не связана ни с идеализмом (r_S = –0,096, p = 0,127), ни с релятивизмом (r_S = 0,055, p = 0,386).

Таблица 3

Результаты апостериорных попарных сравнений

Группы (N_{total} = 252)	Зависимая переменная			
	CS-D		CS-U	
	W	p	W	p
Абсолютисты – Эксепционисты	–6,796	< 0,001	5,307	0,001
Абсолютисты – Ситуационисты	0,882	0,925	3,027	0,141
Абсолютисты – Субъективисты	–4,437	0,009	1,288	0,799
Эксепционисты – Ситуационисты	8,328	< 0,001	–2,917	0,166
Эксепционисты – Субъективисты	3,687	0,045	–5,905	< 0,001
Ситуационисты – Субъективисты	–5,847	< 0,001	–2,527	0,280

Результаты корреляционного анализа между шкалой психопатии и подшкалами CS также соответствуют ожидаемым и говорят в пользу конструктной валидности методики: показатели шкалы психопатии отрицательно связаны с деонтологическими убеждениями (r_S = –0,307, p < 0,001) и положительно – с утилитаристскими (r_S = 0,325, p < 0,001). Значимые связи с социальной желательностью отсутствуют (CS-D: r_S = 0,031, p = 0,630; CS-U: r_S = 0,066, p = 0,294), что свидетельствует о дискриминантной валидности шкалы консеквенциализма.

Описательная статистика и половые различия

Описательная статистика для подшкал опросника приведена в табл. 4 (в качестве показателя используется средний балл по шкале).

Таблица 4

Описательная статистика шкалы консеквенциализма

Группа	Шкалы	Среднее	Медиана	SD	Мин.	Макс.	Асимметрия
Вся выборка (N = 553)	CS-D	3,69	3,80	0,749	1	5	–0,510
	CS-U	2,41	2,40	0,751	1	5	0,326
Женщины (N = 279)	CS-D	3,87	4,00	0,710	1	5	–0,720
	CS-U	2,23	2,20	0,682	1	4	0,138
Мужчины (N = 274)	CS-D	3,46	3,40	0,734	1	5	–0,385
	CS-U	2,59	2,60	0,775	1	5	0,346

Можно отметить, что для подшкалы деонтологических убеждений наблюдается небольшая отрицательная асимметрия, а для шкалы утилитаристских убеждений – положительная.

Анализ различий между полами на первой подвыборке с использованием робастного t-теста по методу усеченных средних на уровне 0,2 показал, что у мужчин по сравнению с женщинами более выражены утилитаристские убеждения ($t_{Yuen}(146{,}99) = 3{,}39$, $p < 0{,}001$, $\xi = 0{,}327$), а у женщин – деонтологические ($t_{Yuen}(151{,}05) = 5{,}29$, $p < 0{,}001$, $\xi = 0{,}427$). Для проверки вычислительной воспроизводимости обнаруженных различий на второй подвыборке был проведен байесовский анализ с использованием одностороннего теста Манна–Уитни по методу Монте-Карло с марковскими цепями для семплирования (1 000 итераций). Байесовский фактор BF_{10} в пользу гипотезы, что у женщин более выражены деонтологические убеждения, составил 402,34 (W = 15 031), а в пользу гипотезы, что у мужчин более выражены утилитаристские убеждения – 391,47 (W = 8 150,5). Оба значения являются крайне сильным свидетельством в пользу существования различий (Jeffreys, 1961; Lee, Wagenmakers, 2013). Полученные результаты согласуются с данными метааналитических исследований, согласно которым женщины более склонны к деонтологическим реакциям, чем мужчины (Friesdorf, Conway, Gawronski, 2015).

Моральные убеждения и оценка морального выбора

Использованный в исследовании набор моральных дилемм характеризуется хорошей внутренней согласованностью (коэффициент α-Кронбаха составил 0,832, коэффициент ω-Макдональда – 0,839), что позволяет рассчитать усредненный балл, показывающий степень приемлемости для человека консеквенциалистского выбора. Корреляционный анализ показывает, что с этим показателем не связаны ни деонтологические ($r_S = -0{,}050$, $p = 0{,}430$), ни утилитаристские убеждения ($r_S = 0{,}056$, $p = 0{,}386$). Иными словами, согласие с обобщенными моральными принципами не может служить надежным предиктором поведения в ситуации гипотетических моральных сценариев, что согласуется с уже существующими данными. Так, консеквенциалистский выбор в моральной дилемме (т.е. спасение большинства ценой жизни одного человека) совершенно необязательно опирается на консеквенциалистские рассуждения о наибольшем благе и может, например, свидетельствовать о пониженной эмпатии (Bartels, Pizarro, 2011). Это, однако, не означает, что «“утилитаристский” ответ в жертвенных дилеммах, похоже, не имеет ничего общего с подлинным утилитаризмом» (Kahane et al., 2015, p. 208). Поведенческие реакции в стимульных условиях гипотетических моральных дилемм и реакции на обобщенные вербальные стимулы, в которых операционализированы этические принципы (так называемые шкалы «самоотчета»), находятся под контролем разных контингенций. То, что консеквенциалистский выбор в определенных ситуациях склонны совершать «антисоциальные» индивиды, ничего не говорит нам о правильности самого решения (Paytas, 2014). Вообще нет ничего удивительного в том, что убеждения человека не отражаются в его поведении. Начиная с классических исследований Р. Лапьера, об этом накоплено огромное количество фактических данных (LaPiere, 1934; Burhans, 1971;

Godin, Conner, Sheeran, 2005). Более того, в данном случае мы имеем как минимум три потенциальных разрыва. Первый пролегает между обобщенными убеждениями, операционализированными в ответах на шкалы самоотчета, и реакциями в гипотетических моральных сценариях. Второй разрыв проходит между убеждениями и поведением в «реальной жизни», третий – между ответами в моральных дилеммах и реальными моральными выборами, которые также могут существенно различаться (FeldmanHall, Mobbs, Evans, Hiscox, Navrady, Dalgleish, 2012). Это следует учитывать и при интерпретации результатов по шкале консеквенциализма.

Медиационный анализ[1] позволяет предположить, что связь деонтологических и утилитаристских убеждений (в том виде, в котором они операционализированы в CS) с оценкой приемлемости консеквенциалистского выбора полностью опосредована психопатией (рис. 4).

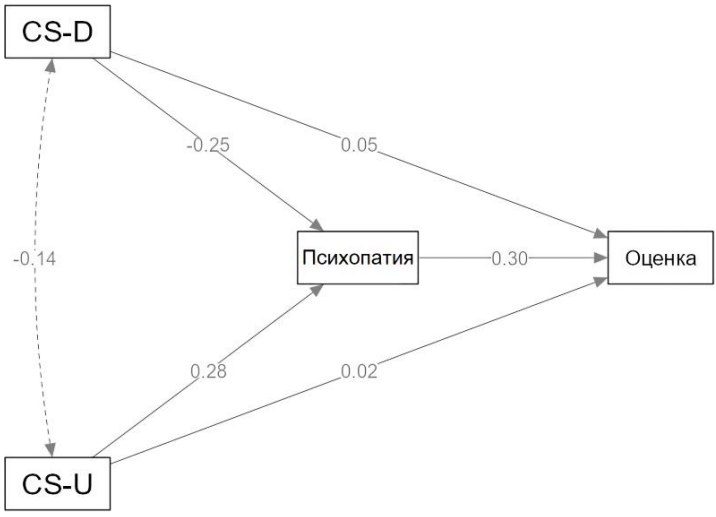

Рис. 4. Медиационная модель: коэффициенты путей стандартизованы

Хотя прямые эффекты CS-D ⇒ Оценка (p = 0,419) и CS-U ⇒ Оценка (p = 0,791) незначимы, оба опосредованных эффекта значимы: β = 0,087, p = 0,002 для CS-D ⇒ Психопатия ⇒ Оценка и β = –0,076, p < 0,001 для CS-U ⇒ Психопатия ⇒ Оценка. Такой тип медиации принято называть непрямой (indirect-only mediation) или полной (full mediation) (Zhao, Lynch, Chen, 2010; Hair, Hult, Ringle, Sarstedt, Danks, Ray, 2021). Довольно интригующей представляется следующая перспектива: не являются ли психопатические диспозиции обязательным компонентом практической реализации консеквенциалистских убеждений? Или, иначе, не должен ли *последова-*

[1] В данном случае мы говорим о медиации исключительно как о статистическом феномене, а не теоретическом, не касаясь проблемы каузальности. Такую статистическую медиацию некоторые исследователи предлагают называть *атемпоральной* (Winer, Cervone, Bryant, McKinney, Liu, Nadorff, 2016).

тельный консеквенциалист быть охарактеризован как психопат? Как считают многие моральные философы, консеквенциализм *per se* противоречит «моральной интуиции» большинства людей (Singer, 2005). Если это так, то асоциальность, циничность и чёрствость определенно облегчают эмоциональное бремя консеквенциалистского поступка. С другой стороны, консеквенциализм может использоваться как оправдание или канализирование действий, источник которых – отнюдь не забота о наибольшем благе. Современная культура дает немало примеров, в которых прослеживается тесная и сложная связь консеквенциализма с психопатией, достаточно вспомнить таких персонажей, как Озимандия, Декстер или Танос. Впрочем, исследование этой проблемы выходит за пределы инструментальной цели настоящей статьи.

Заключение

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о хороших психометрических характеристиках русскоязычной версии шкалы консеквенциализма. Исследовательский и конфирматорный факторный анализ позволяет утверждать, что внутренняя структура методики включает две относительно слабосвязанных подшкалы, которые демонстрируют теоретически ожидаемые связи с другими конструктами. Шкала, таким образом, оценивает две грани консеквенциализма. С одной стороны, он понимается как отрицание деонтологических убеждений о нерушимости определенных норм, с другой – как принятие утилитаристского принципа максимизации счастья. Это двойственное понимание природы консеквенциализма следует учитывать при интерпретации полученных при проведении методики результатов.

Отсутствие связи между оценкой приемлемости консеквенциалистского выбора в моральных дилеммах и консеквенциалистскими убеждениями указывает на то, что согласие с обобщенными моральными принципами не позволяет предсказывать поведение в конкретных моральных сценариях. Это подчеркивает необходимость дальнейшего исследования механизмов, определяющих моральные реакции людей.

Благодарность. Автор благодарит магистранта Института медицины и психологии НГУ Я.А. Сумникова за участие в сборе данных (первая подвыборка).

Литература

Корнилова, Т. В., Корнилов, С. А., Чумакова, М. А., Талмач, М. С. (2015). Методика диагностики личностных черт ‘Темной триады’: апробация опросника ‘Темная дюжина’. *Психологический журнал*, *36*(2), 99–112.

Фёдоров, А. А., Бадиев, И. В. (2018). Валидизация русскоязычной версии опросника этических позиций. *Психология. Журнал Высшей Школы Экономики*, *15*(3), 491–509. doi: 10.17323/1813-8918-2018-3-491-509

Фёдоров, А. А., Злобина, М. В. (2023). Игра в мораль: связана ли оценка инструментальной пригодности моральных дилемм с их решением. *Reflexio, 16*(1), 5–28. doi: 10.25205/2658-4506-2023-16-1-5-28

Ханин, Ю. Л. (1976). *Шкала Марлоу-Крауна для исследования мотивации одобрения: методическое письмо*. Л.: НИИ физической культуры.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Приложение

Шкала консеквенциализма

Инструкция. Ниже Вы увидите список общих утверждений. Возможно, Вы не согласитесь с одними пунктами и согласитесь с другими. Здесь нет правильных и неправильных ответов. Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое утверждение. Затем отметьте степень своего согласия или несогласия, опираясь на следующую шкалу: *1 – полностью не согласен; 2 – не согласен; 3 – ни то, ни другое; 4 – согласен; 5 – полностью согласен*					
1. Некоторые правила никогда не следует нарушать	1	2	3	4	5
2. Причинение кому-либо вреда никогда не является морально оправданным	1	2	3	4	5
3. Если действие является нарушением самых основных правил общества, его не следует совершать, даже если оно принесет много пользы	1	2	3	4	5
4. Некоторые аспекты человечности священны и никогда не должны нарушаться независимо от возможной выгоды	1	2	3	4	5
5. Некоторые правила и законы универсальны и обязательны к исполнению независимо от обстоятельств, в которых вы оказались	1	2	3	4	5
6. Правила и законы не имеют значения; приносит ли действие счастье – это все, что важно при принятии решения о том, как действовать	1	2	3	4	5
7. Правилам и законам следует следовать только тогда, когда они максимизируют счастье	1	2	3	4	5
8. Если правила и законы не способствуют увеличению счастья людей, их следует игнорировать	1	2	3	4	5
9. Единственный моральный принцип, которому необходимо следовать, заключается в том, что человек должен максимизировать счастье	1	2	3	4	5
10. Люди, которым не удается добиться наибольшего счастья, совершают что-то морально неправильное	1	2	3	4	5

Ключ

CS-D (подшкала деонтологических убеждений): пункты 1, 2, 3, 4, 5

CS-U (подшкала утилитаристских убеждений): пункты 6, 7, 8, 9, 10

Поступила в редакцию 13.05.2024 г.; принята 16.10.2024 г.

Фёдоров Александр Александрович – заведующий кафедрой клинической психологии факультета медицины и психологии Новосибирского государственного университета, кандидат психологических наук

E-mail: fedleks@yandex.ru

For citation: Fedorov, A. A. (2024). The Russian-Language Version of the Consequentialist Scale: The Psychometric Analysis. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology, 94*, 22–40. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/94/2

The Russian-Language Version of the Consequentialist Scale: The Psychometric Analysis[1]

A.A. Fedorov[1]

[1] *Novosibirsk State University, 1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

Abstract

Aim of the study. This study is aimed to the validation of the Russian-language version of the Consequentialist Scale developed by J, Robinson, which assesses a person's deontological and utilitarian beliefs. **Research methods and materials.** The total sample of the study consisted of 553 people from 18 to 60 years old, among them 279 women and 274 men. To test construct validity, the following methods were used: Russian-language version of the Ethical Position Questionnaire (EPQ) by D.R. Forsythe, the Dark Dozen questionnaire, a shortened version of the social desirability scale. In addition to the self-report measures, participants were also asked to rate the degree to which a consequentialist response was acceptable to a series of 12 moral dilemmas. To test the internal structure of the scale, exploratory and confirmatory factor analysis (on different sub-samples) was used. Test-retest reliability was also assessed at three-week intervals. **Results.** Analysis of the internal structure of the scale using exploratory factor analysis showed the presence of two factors explaining 39.85% of the total variance. The set of items in these factors fully corresponds to the key of the original version of the scale. The stability of the internal structure of the Russian-language version of the scale was tested on an independent sample of 301 people using confirmatory factor analysis. CFA showed the best fit for a single-level two-factor model consistent with theoretical assumptions. The sub-scales were characterized by good internal consistency and test-retest reliability. The expected theoretical connections, with ethical positions and psychopathy, are shown; it confirms the convergent validity of the instrument. The lack of significant associations with social desirability indicates the discriminant validity of the scale. It is shown that agreement with generalized moral principles cannot serve as a reliable predictor of the degree to which a person accepts a consequentialist choice in a situation of hypothetical moral scenarios. Overall, it can be concluded that the Russian-language version of the Consequentialist scale is a reliable and valid instrument for assessing consequentialist beliefs.

Keywords: deontology; utilitarianism; consequentialism; factor structure; scale reliability; scale validity; moral dilemmas; psychopathy; ethical positions; moral beliefs

References

Bago, B., Kovacs, M., Protzko, J., Nagy, T., Kekecs, Z., Palfi, B., Adamkovic, M., Adamus, S., Albalooshi, S., Albayrak-Aydemir, N., Alfian, I. N., Alper, S., Alvarez-Solas, S., Alves, S. G., Amaya, S., Andresen, P. K., Anjum, G., Ansari, D., Arriaga, P., … Aczel, B. (2022). Situational factors shape moral judgements in the trolley dilemma in Eastern, Southern and Western countries in a culturally diverse sample. *Nature Human Behaviour, 6*(6), Article 6. doi: 10.1038/s41562-022-01319-5

[1] This study was funded by the Russian Science Foundation, project № 23-28-00771, https://rscf.ru/project/23-28-00771/

Bartels, D. M., & Pizarro, D. A. (2011). The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, *121*(1), 154–161. doi: 10.1016/j.cognition.2011.05.010

Bentham, J. (1823). *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation: Vol. I*. W. Pickering.

Burhans, D. T. (1971). The attitude-behavior discrepancy problem: Revisited. *Quarterly Journal of Speech*, *57*(4), 418–428. doi: 10.1080/00335637109383087

Carron, R., Blanc, N., Anders, R., & Brigaud, E. (2023). The Oxford Utilitarianism Scale: Psychometric properties of a French adaptation (OUS-Fr). *Behavior Research Methods*, *56*, 5116–5127. doi: 10.3758/s13428-023-02250-x

Fedorov, A. A., & Badiev, I. V. (2018). Validizatsiya russkoyazychnoy versii oprosnika eticheskikh pozitsiy [Validation of the Russian-language version of the ethics position questionnaire]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *15*(3), 491–509. doi: 10.17323/1813-8918-2018-3-491-509

Fedorov, A. A., & Zlobina, M. V. (2023). Igra v moral': svyazana li otsenka instrumental'noy prigodnosti moral'nykh dilemm s ikh resheniem [The Morality Game: Is the Evaluation of the Instrumental Utility of Moral Dilemmas Related to Decision Outcomes]. *Reflexio*, *16*(1), 5–28. doi: 10.25205/2658-4506-2023-16-1-5-28

FeldmanHall, O., Mobbs, D., Evans, D., Hiscox, L., Navrady, L., & Dalgleish, T. (2012). What we say and what we do: The relationship between real and hypothetical moral choices. *Cognition*, *123*(3), 434–441. doi: 10.1016/j.cognition.2012.02.001

Filiz, K., & Hasan, B. (2021). The Turkish Adaptation of the Oxford Utilitarianism Scale. *Studies in Psychology*, *41*(2), Article 2. doi: 10.26650/SP2020-0055

Forsyth, D. R. (1980). A taxonomy of ethical ideologies. *Journal of Personality and Social Psychology*, *39*(1), 175–184. doi: 10.1037/0022-3514.39.1.175

Forsyth, D. R. (2019). *Making Moral Judgments: Psychological Perspectives on Morality, Ethics, and Decision-Making*. Routledge. doi: 10.4324/9780429352621

Friesdorf, R., Conway, P., & Gawronski, B. (2015). Gender Differences in Responses to Moral Dilemmas: A Process Dissociation Analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *41*(5), 696–713. doi: 10.1177/0146167215575731

Godin, G., Conner, M., & Sheeran, P. (2005). Bridging the intention–behaviour gap: The role of moral norm. *British Journal of Social Psychology*, *44*(4), 497–512. doi: 10.1348/014466604X17452

Greene, J. D., Morelli, S. A., Lowenberg, K., Nystrom, L. E., & Cohen, J. D. (2008). Cognitive load selectively interferes with utilitarian moral judgment. *Cognition*, *107*(3), 1144–1154. doi: 10.1016/j.cognition.2007.11.004

Hair, J. F., Hult, G. T. M., Ringle, C. M., Sarstedt, M., Danks, N. P., & Ray, S. (2021). Mediation Analysis. In J. F. Hair Jr., G. T. M. Hult, C. M. Ringle, M. Sarstedt, N. P. Danks, & S. Ray (Eds.), *Partial Least Squares Structural Equation Modeling (PLS-SEM) Using R: A Workbook* (pp. 139–153). Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-030-80519-7_7

Havlicek, L. L., & Peterson, N. L. (1976). Robustness of the Pearson Correlation against Violations of Assumptions. *Perceptual and Motor Skills*, *43*(3_suppl), 1319–1334. doi: 10.2466/pms.1976.43.3f.1319

Jeffreys, H. (1961). *The Theory of Probability* (3rd Ed.). Oxford University Press.

Jeske, D. (2020). Consequentialism and Partiality. In D. W. Portmore (Ed.), *The Oxford Handbook of Consequentialism* (pp. 238–252). Oxford University Press. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190905323.013.15

Kahane, G., Everett, J. A. C., Earp, B. D., Caviola, L., Faber, N. S., Crockett, M. J., & Savulescu, J. (2018). Beyond Sacrificial Harm: A Two-Dimensional Model of Utilitarian Psychology. *Psychological Review*, *125*(2), 131–164. doi: 10.1037/rev0000093

Kahane, G., Everett, J. A. C., Earp, B. D., Farias, M., & Savulescu, J. (2015). 'Utilitarian' judgments in sacrificial moral dilemmas do not reflect impartial concern for the greater good. *Cognition*, *134*, 193–209. doi: 10.1016/j.cognition.2014.10.005

Khanin, Yu. L. (1976). *Shkala Marlou-Krauna dlya issledovaniya motivatsii odobreniya: metodicheskoe pis'mo* [Marlowe-Crowne Social Desirability Scale]. Leningrad: Research Institute of Physical Culture.

Koenigs, M., Kruepke, M., Zeier, J., & Newman, J. P. (2012). Utilitarian moral judgment in psychopathy. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, *7*(6), 708–714. doi: 10.1093/scan/nsr048

Koop, G. J. (2013). An assessment of the temporal dynamics of moral decisions. *Judgment and Decision Making*, *8*, 527–539. doi: 10,1017/S1930297500003636

Kornilova, T. V., Kornilov, S. A., Chumakova, M. A., & Talmach, M. S. (2015). Metodika diagnostiki lichnostnykh chert 'Temnoy triady': aprobatsiya oprosnika 'Temnaya dyuzhina' [The Dark Triad personality traits measure: Approbation of the Dirty Dozen Questionnaire]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, *36*(2), 99–112.

Kosteletos, G., Zioga, I., Protopapadakis, E. D., Panayiotou, A. G., Kontoangelos, K., & Papageorgiou, C. (2023). The Consequentialist Scale: Translation and empirical investigation in a Greek sample. *Heliyon*, *9*(7), e18386. doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e18386

LaPiere, R. T. (1934). Attitudes vs. Actions. *Social Forces*, *13*(2), 230–237. doi: 10.2307/2570339

Lee, M. D., & Wagenmakers, E.-J. (2013). *Bayesian Cognitive Modeling: A Practical Course*. Cambridge University Press.

Mihailov, E. (2023). Measuring Impartial Beneficence: A Kantian Perspective on the Oxford Utilitarianism Scale. *Review of Philosophy and Psychology*, *14*(3), 989–1004. doi: 10.1007/s13164-021-00600-2

Paruzel-Czachura, M., & Charzyńska, E. (2022). Investigating the Relationship between Centrality of Religiosity, Instrumental Harm, and Impartial Beneficence through the Lens of Moral Foundations. *Religions*, *13*(12), Article 12. doi: 10.3390/rel13121215

Paulhus, D. L. (1991). Measurement and control of response bias. In J. P. Robinson, P. R. Shaver, & L. S. Wrightsman (Eds.), *Measures of Personality and Social Psychological Attitudes* (pp. 17–59). Academic Press. doi: 10.1016/B978-0-12-590241-0.50006-X

Paytas, T. (2014). Sometimes Psychopaths get it Right: A Utilitarian Response to 'The Mismeasure of Morals'. *Utilitas*, *26*(2), 178–191. doi: 10.1017/S095382081400003X

Plaks, J. E., Robinson, J. S., & Forbes, R. (2022). Anger and Sadness as Moral Signals. *Social Psychological and Personality Science*, *13*(2), 362–371. doi: 10.1177/19485506211025909

Robinson, J. S. (2012). *Development and Validation of a Scale to Measure Deontological and Utilitarian Beliefs.* Unpublished Master's Thesis. University of Toronto.

Robinson, J. S., Joel, S., & Plaks, J. E. (2015). Empathy for the group versus indifference toward the victim: Effects of anxious and avoidant attachment on moral judgment. *Journal of Experimental Social Psychology*, *56*, 139–152. doi: 10.1016/j.jesp.2014.09.017

Robinson, J. S., Page-Gould, E., & Plaks, J. E. (2017). I appreciate your effort: Asymmetric effects of actors' exertion on observers' consequentialist versus deontological judgments. *Journal of Experimental Social Psychology*, *73*, 50–64. doi: 10.1016/j.jesp.2017.06.005

Satorra, A., & Bentler, P. M. (1994). Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis. In von Eye, A., & Clogg, C. C. (Eds.), *Latent variables analysis: Applications for developmental research* (pp. 399–419). Sage.

Singer, P. (2005). Ethics and Intuitions. *The Journal of Ethics*, *9*(3), 331–352. doi: 10.1007/s10892-005-3508-y

Sinnott-Armstrong, W. (2023). Consequentialism. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2023). Metaphysics Research Lab, Stanford University.

Winer, E. S., Cervone, D., Bryant, J., McKinney, C., Liu, R. T., & Nadorff, M. R. (2016). Distinguishing Mediational Models and Analyses in Clinical Psychology: Atemporal

Associations Do Not Imply Causation. *Journal of Clinical Psychology*, *72*(9), 947–955. doi: 10.1002/jclp.22298

Yang, H., Tang, C., & Wang, D. (2023). Is it true that negative emotions cause more utilitarian judgements? From the influence of emotion and cognition. *Cognition and Emotion*, *37*(7), 1248–1260. doi: 10.1080/02699931.2023.2258572

Zamora, J., Ungson, N. D., & Seidman, G. (2022). The end justifies the me: Self-interest moderates the relationship between Dark Triad traits and utilitarian moral decisions. *Personality and Individual Differences*, *184*, 111134. doi: 10.1016/j.paid.2021.111134

Zhao, X., Lynch, J. G., & Chen, Q. (2010). Reconsidering Baron and Kenny: Myths and Truths about Mediation Analysis. *Journal of Consumer Research*, *37*(2), 197–206. doi: 10.1086/651257

Received 13.05.2024; Accepted 16.10.2024

Alexandr A. Fedorov – Associate Professor, Head of the Section of Clinical Psychology, Depratment of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: fedleks@yandex.ru